

Снегоходы двигались тихо. Один заметно впереди, двое по центру и еще двое друг за другом чуть позади них. Последний вез на прицепе снаряжение для похода.

Стандартная схема для вылазки.

Ермак, несмотря на юный возраст, уже заслужил статус опытного экспедитора. Снежные степи, редкие деревья и заброшенные деревни завораживали его сердце. Кошмар погибших городов и режущая чистота Байкальского Бункера его почему-то отталкивали. Хотя за возможность поселиться в Бункере некоторые были готовы грызть чужие глотки.

Снежные степи успокаивали, а за мгновение до того, как человек про-

снется, они пели. Что-то неуловимое, мягкое и успокаивающее было в той музыке.

Их группу сформировали несколько дней назад. Ермак, хотя и имел койко-место в Бункере, предпочитал Иркутск. Там жизнь кипела, там ломались судьбы, оплакивали замерзших. Байкальский Бункер же, казалось, не имел души. Только цель. Спасти остатки цивилизации, всего, что сохранилось в его недрах.

– Федя, ты правда думаешь, что все ресурсы Иркутской области уходили просто на Западную Россию? Тут целая жизнь кипела под Байкалом! Целый город! Конечно, он жрал ресурсы, как свинья корм!

Разговор профессора Никитина с отцом Ермак запомнил детально, хотя был совсем ребенком. Что такое свинья, он в том возрасте не знал. Но отец тогда выглядел крайне озабоченно, и ребенком Ермак решил, что свинья — это какое-то опасное чудовище. И что его папу позвали всех спасти. Никитин практически случайно встретил наемника Федора, с которым они имели дела во время войны. Вместо разборок торговцев, борьбы за ресурсы и суровой профессии солдата Федор, не задумываясь, выбрал службу Бункеру.

Ермак хорошо запомнил отца, каждый седой волос на его аккуратной стриженной бороде. А усталый, но твердый взгляд зеленых глаз вселял уверенность в самых критических ситуациях. Федор провел полтора года на западном фронте, а потом, когда противник прорвал дальневосточный фронт, его со всей семьей перебросили на восток. Мать говорила, они готовились как-то помочь осажденному Владивостоку, хотя вражеские солдаты уже угрожали Чите. Не случилось.

Что именно произошло – на улицах Иркутска гадали до сих пор. Ермак знал – климатическое оружие. ПВО сбили почти все ракеты противника, а вот некоторые другие его разработки оказались действенны. Впервые увидев ролик, на котором показывали историю последней войны, Ермак восхитился мощностью ядерного оружия. Как-то не верилось, что человечество было способно такое создать и облачить в металл. Хотя вызвать тридцать лет нескончаемой зимы на огромной территории смогло же?

– Внимание, надо дозаправиться, – отозвалось в радиии. Отряд остановился.

Пока Виктор шел до прицепа за топливом, Ермак ушел на обзор. Приборы инфракрасного видения отлично помогали ориентироваться в темноте. Двигались в основном ночью из-за бандитизма и хищников. Да и лишние свидетели ни к чему. Снегоходы – «вкусная» добыча для любого искателя наживы, в основном люди пользуются оленями. С другой стороны, снегоход – признак силы и отношения к сохранившейся власти региона. Но рисковать не стоит – холод доводит людей до отчаяния.

Дальше предстояло заехать на холмы, преодолеть остатки чащи. Де-

ревья за столько лет перемерзли – большинство не годилось даже для костра. Оттого прицеп знатно тормозил продвижение группы.

– Еремка, что заскучал? – Шаман имел натуру смешливую. Многие считали его несерьезным. Но когда доходило до дела – он творил чудеса.

Будучи метисом, Шаман приобщился к русской культуре, хотя большинство народа его отца вернулось к кочевому образу жизни, разводя стада оленей и торгуя. В то же время прозвище появилось у него не на пустом месте. Подростком Галдан сильно заболел и оказался при смерти. А потом исчез. Через три года вернулся, говоря, что стал шаманом. Так прозвище и привязалось.

– Любуюсь видом.

– Через тепловизор?

– Я его отключил.

– Значит, плохой из тебя разведчик, Еремка. А если с того холма рысь на тебя смотрит?

– Значит, мы ее усыпим и засунем в ящик. Шам, не нервируй.

Лицо собеседника скрывала маска, но Ермак знал, что Галдан улыбается.

– Что Виктор говорит по поводу этого всего?

– Что, кажется, зима затянулась, раз тигры с Амура к нам прут. Но он пока в этом не уверен.

– Зря ты так со стариком, Галдан. Виктор – хороший человек.

В ответ прилетел смешок.

– Он машина. Ради высшей цели он всех нас зажарит и съест. Но, надеюсь, до этого не дойдет. Духи разрешают есть человечину только зверям. – Рука Шамана потянулась в привычном жесте к его хитросплетенной бороде, но одернулась – лицо скрывала маска.

После недолгого привала продолжили путь. Ермак поехал первым.

Машины плавно шли по мягкому полотну. Что в городе, что в степях ночь дарила покой. Остатки жизни на этой земле замирали в ожидании слабых лучей света. И только сильные не боялись наступающей темноты. И это чувство собственной силы дарило особое спокойствие.

В новом мире реки замерзли, но оставались в тайге ориентирами – на их месте шла ровная дорожка снега среди деревьев.

– Ермак, ну ты и забрался! Мы обойдем, рисковать не будем, – раздался в радиии голос Виктора. – Встретимся на съезде. Вроде как чаща должна кончиться. Как слышно?

– Принял.

Начинались горы, а это трудности для маршрута. Подъем сменялся съездами и наоборот. Снегоходы работали отменно, но порой приходилось объезжать склоны или кучи обвалившегося снега. Дорога через чащу затянулась.

– Ермак, как обстановка?

– Как в восемьдесят четвертом шестнадцатого века – пока живой, – После войны культурного коллапса не случилось. Наоборот, местный колорит разросся, а имя завоевателя Сибири стало популярным. И присказки из его жизни тоже.

– Глупые у вас шутки.

– Какое поколение, как говорит моя мудрая мама, такие и шутки, – в рации появился голос Шамана.

– Не очень-то мудрая, раз не скормила тебя холоду в детстве, – съязвил Беспалый.

– Пф, а кто тогда твою Наташку утешал бы, пока ты в вылазках?

– Шам, я те уши в ноги запихаю!

– Так, замолчали! Оба! – Виктор отличался строгостью. Также из довоенного поколения, тоже воевал.

Ермак, как и остальные, засмеялся. Рация была включена, и это его спасло.

Справа раздался шум ломающихся деревьев.

– Ай...

Среагировать Ермак толком не успел. Первая мысль – схватить пистолет, вторая – увести снегоход в сторону. Этой доли секунды и не хватило, чтобы спастись от удара.

Что-то большое и твердое сшибло его из сиденья, выбив дух. Мир накрыла тьма.

– Держись, браток, залатаем. Только выбраться надо. Скоро рассветёт. Вы долго там с костром копошиться будете?!

Опять темнота. Но это был Шарик, их медик. Гена Шариков – дети особо не думают над погонялами. Так и закрепилось с малых лет, что он «Шарик». Прозвище Гена до сих пор не признавал и злился, когда его так называли. Чем, в свою очередь, пользовался Шаман.

Проснулся он от боли. Дыхание сжимало, было тесно – не шевельнуться. Началась паника. Ермак сам никогда не плавал, но не раз представлял, каково это. Сейчас он подумал, что тонет – никак не удавалось определить свое положение в пространстве.

– Эй, эй, стой! Лежи, в смысле! Все в порядке, это я, Беспалый! Ермак, ты жив, все хорошо!

– Что... случилось?

– Олень, прикинь? Любит тебя всякая животинка. Да, Шаман?

– Знаешь, что духи говорят?

– Что я атеист?

На голову опять накатила темная волна. Живот схватило в спазме, но

он оказался пуст.

– Выпустите... – Каждое слово давалось с трудом.

Как оказалось, его душил спальный мешок.

Снегоходы расположили в круг, гуляй-городом. Внутри поставили палатку и разожгли костер. Шариков сомневался между ушибом и переломом, но однозначно у Ермака было сотрясение. Глупая ситуация получилась. Ермака это коробило. Он, так лихо пробиравшийся в любую точку снежных степей, чуть не погиб из-за оленя. Будучи вооруженным и на транспорте.

Под вечер пришла делегация кочевников. Пятнадцать человек вооружены луками, винтовками и ружьями. Все в толстых шубах, походили больше на медведей. У отряда из Бункера имелась термоодежда на электронике. Специальные пластины согревали, поэтому хватало ее, свитеров и верхних белых курток.

На олене выехал их шаман с выглядывающим из-за плеча луком.

– Галдан, пойди, пообщайся с коллегой, – приказал Виктор.

Галдан перемахнул через снегоход, доставая из-за ворота медальон шамана. Неизвестно, где их делали, но выглядели они довольно стильно, хотя и видно, что ручная работа. Такие носили только бурятские шаманы. Подражали они опознавательным медальонам жителей округов и работников Бункера.

Ермака перетащили в палатку и сняли верхнюю одежду. Шариков присвистнул, рассматривая термоодежду.

– Электроника перебита. Жаль. Придется новый комплект доставать.

Мастера вряд ли подлатают. Он тебя на рога поднял, что ли?

– Сам не понял. Запомнил только огромную вонючую тушу со льдом на шерсти. Но кажется, да, боднул.

Вернулся Шаман. Беспалый с Виктором прикрывали его по ходу беседы, держа наготове пистолет-пулеметы.

– В общем, они мимо проходили. Направляются на юг, к Байкалу. Их полсотни человек, если считать с женщинами и детьми. Духи говорят, что олень, сбивший Ермака, от их стада отбил. Собственно, они и потеряли троих. Двоих нашли растерзанными неизвестной тварью.

– Тигр?

– Тоже так думаю.

– А духи твои, что? – спросил Беспалый.

– Им интересно, справимся ли сами. Значит, шансы есть.

Дальше они зашептались, и Ермак не мог ничего услышать. Шарик в этот момент перевязывал ему голову.

В палатку, пригнувшись, зашел Виктор.

– Ермак, ты отправляешься с бурятами.

– Что?

– Ты сейчас не боец. На снегоход-то не сядешь. Они помогут, довезут

до поста в Слюдянке. Разговор окончен.

Все протесты улетели в спину командира. Шариков пожал плечами, затянув посильнее бинт.

Уже через два часа Ермак лежал в саях рядом с молчаливым стариком. Его переодели, замотали бинтами и вкололи всяких препаратов. По словам Шарикова, он еще легко отделался. Возможно. Но эта вылазка обещала стать самой глупой и бесполезной на его счету.

С большинством кочевников отношения можно охарактеризовать как «напряженные». С Забайкальем связь установили только через семь лет после катастрофы, застав остатки городов. Буряты довольно быстро вернулись к образу жизни своих предков, пересев на оленей и занявшись животноводством. Почти каждое племя получило мобильную теплицу, позволявшую выращивать корм животным. Когда коммуникации между выжившими начали налаживаться, именно кочевники стали основными посыльными и торговцами. Практически монополизировав оленеводство, они заламывали цену за каждого рогатого, а некоторые могли и бесследно исчезнуть с припасами или посланием, объявившись только через пару лет. Иркутский округ не особо им доверял.

Но среди них, конечно, было много и хороших людей. С некоторыми племенами у Бункера наладились дружественные отношения, и те довольно быстро поднялись на фоне остальных. И стада у них побольше, и оружие первоклассное встречалось, и дети грамотные. Правда, некоторых это не устроило, и пришлось даже ввязываться в войну племен, закончившуюся лет десять назад. И надо отдать должное еще кое в чем – мало кто из бурят занялся бандитизмом.

Ермака положили под меха, и вскоре тот задремал. Кочевники обычно не спешили, и путь до своих мог занять пару дней. С другой стороны, будет время подумать и насладиться пейзажами. Да и с кочевниками он еще не путешествовал.

Словно капли били по чистому льду под скрип веток. Снежные степи напевали ему о байкальских ветрах, летнем солнце и шуме волн. Казалось, протяни руку – и коснешься старого мира, с его богатствами и радостями. С его минутами безмятежности...

Выстрелы оборвали сон. Ермак в то же мгновение вскочил, хватаясь за лежавшее рядом оружие, и перепрыгнул за борт саней. В глазах потемнело от боли, и он упал на колени.

– Спокойнее, спокойнее...

На то, чтобы отойти от боли и сориентироваться, ушло меньше минуты. Снег шел хлопьями. Этим воспользовались, обойдя племя с трех сторон.

«Гонят в ловушку, – подумал Ермак. – Либо их слишком мало для такого племени, постараются отхлпать хотя бы кусочек, дав остальным уйти».

Старик на поводьях открыл рот, чтобы что-то сказать, но упал. Его

кровь ярко окрасила снег. Стреляли где-то рядом. Ермак прикинул по упавшему старику, и дал очередь в ответ. Услышал ругань.

Бой длился недолго, но основной удар пришелся на ту часть, где перевозили Ермака. Племя спешно отступило, а трое саней и семерых всадников окружили. На снегу лежали и орали раненные олени, кто-то рядом звал на помощь. Ситуация складывалась скверно, и надежда оставалась только на то, чтобы вырваться из окружения. Из снега пробивались очертания людей, иногда вспышки выстрелов. Оторванная от остальных небольшая группа пыталась выйти на соединение. Ермак опаздывал. Во-первых, был ранен, а во-вторых, без транспорта. Их загоняли как зверей. Известная тактика – Бункер часто отправлял отряды на отлов животных, дабы дать им потом убежище в специальных вольерах и сохранить виды.

Охотник стал жертвой.

– Стоять!

Руки рефлекторно выстроили прицел на голову противника. Краткая очередь из пистолета-пулемета не оставила бандиту шансов.

Наконец, Ермак отбилсЯ и от загнанной группы. Все чаще стали появляться тени с оружием в руках. Положение становилось критическим. Ермак не верил особо в чудеса, хотя проповеди священников находил занятными. Но если его сигнал примут, если рядом окажутся люди Бункера – это станет чудом.

В небо полетела красная ракета, и Ермак, убирая сигнальный пистолет, стал искать укрытие. Племя передвигалось по почти ровному полю. Но Ермак не оставлял надежды.

– Ладно рацию, но еще и тепловизор забрали, сволочи. Оставили на попечение дикарей. Да в гробу они нас видели, с нашим бункером...

Тихонько ругаясь, Ермак шел пригнувшись и постоянно выискивал врагов. С начала обстрела прошло минут сорок, и в перекрестие его прицела к тому времени попало трое бандитов.

– Есть!

В сорока метрах виднелся большой бугор. Скорее всего, это заваленный снегом валун. Так и вышло. Белый цвет камуфляжа вкупе с разошедшимся снегом спрятали бы его на добрые сутки. Уже облегченно вздохнув, Ермак остановился. Из-за бугра с разных сторон вышли двое.

– Попался! Бросай оружие!

– Я человек Бункера! Вам заплатят!

Шансов не было. Даже сняв одного, Ермак ничего не сможет сделать против автомата другого. Будь он здоров, можно было бы попробовать уйти в пережат, но в данном случае оставалось лишь набить себе цену.

– Ага, хорошо. За твою экипировку! Бросай оружие, сказал!

Раздалось два выстрела. Они почти слились в один, но Ермак разобрал – стреляли из разных стволов. Головы бандитов лопнули, а их тела упа-

ли в снег. Стреляли со спины.

– Эй! Я мирный! Не стреляйте!

Вышли трое в белых одеждах. Не в таких, какие носят люди Бункера. Нет, эти бойцы – с севера.

– Мы этих варнаков три месяца выслеживали. Редкие отморозки. Думаю, после разгрома они уже не оправятся. Свои же сожрут.

Горячий чай приятно разливался по телу. За иллюминатором упавшего самолета ветер гонял хлопья снега.

– То есть вы мой сигнал нашли?

– У вас мощные ракеты – вся округа будто кровью окрасилась. Конечно, мы заметили. Жаль погибших кочевников, но и то чудо, что мы подоспели.

– Да уж...

Спасители Ермака явились с Братска. Крупный электроэнергетический и промышленный центр, этот город стал ключом к созданию Конфедерации. Когда стало ясно, что регион в изоляции и бежать некуда, все стали думать над тем, как выжить. Почти сразу на связь с иркутянами вышли братские. Договорились о сотрудничестве, а в Ангарске провели большой съезд. На нем детально обсудили проблемы и возможности выживших округов, подписали документ – Договор Конфедерации. К нему вскоре присоединились Шелехов, Усолье-Сибирское, Тулун и Нижнеудинск. На одной из вылазок обнаружили беженцев из Усть-Илимска. Те рассказывали о жутких, даже по меркам вечной зимы, морозах. Вроде как доходило до минус семидесяти пяти. В Бункере предположили, что на тот район пришелся эпицентр климатического удара.

К Конфедерации стали присоединяться другие города. Деревни и села забросили. Некоторые смельчаки продолжают находиться в них, поддерживая жизнь блокпостов. Такие перевалочные пункты становятся связующей артерией и снабжаются городами.

Территорию выживших поделили на округа. Иркутский, жителей которого прозвали байкальцами, Братский с братскими, Улан-Удэнский с баргузами. Тулун отмерял территорию между братскими и байкальцами, относясь к последним.

Спасшие Ермака бойцы являлись специальной группой, зачищавшей территорию от бандформирований. Одним из укрытий они использовали упавший самолет. Электро, техник отряда, сказал, что у самолета отличные защитные функции от непогоды.

– Почему же тогда он упал?

– Судя по всему, не помогла ему защита, – Палач, суровый командир отряда, пил чай вместе с Ермаком. Они довольно быстро нашли общий язык.

– А вы черные ящики смотрели?

– Их не нашли.

– Подождите-ка.

Ермак в ходе подготовки больше года изучал всякого рода довоенную технику. Самолет ему напомнил одну экспериментальную модель. Ее как раз готовили на случай ядерной зимы и других природных проблем, вызванных техногенными катастрофами.

Заинтересованные братские спустились с ним в фюзеляж. Тот был наполовину оторван и не обжит. А еще сильно вмерз в землю.

– Да он, похоже, тут с самой катастрофы...

Видимо, пилоты старались посадить самолет на более-менее ровной поляне, однако не заметили заснеженного холма. Он-то и развалил самолет напополам – большую часть, что легла на холм, превратили в блокпост.

Черные ящики на таких кораблях хитро прятались в ложную обшивку кабины пилотов. Пришлось принести паяльную лампу.

– Огромная же была махина... Что могло ее уронить-то? – Ермак аккуратно работал, плавя лед и добираясь до тайника.

– Думаю, двигатели не выдержали мороза. Вспомни – первые два года после войны бури были страшные. Столько деревень перемерзло насмерть. Да и не только... В Братске за пределы обжитых зон никто и не вылезал.

– Я тогда еще не родился, Палач.

– А, ну да...

Через час работа была сделана. Ермак не прогадал. Он представил, как бы на него посмотрел отец, будь тот рядом. Мягкий взгляд из низких бровей и слегка приподнятые уголки губ.

В тайнике также лежали все приборы для быстрой расшифровки ящика. Электро справился с ними за двадцать минут и подключил к аудиосистеме. Послушать собрался весь отряд, за исключением постовых.

– Арлан-4-5, обследуем зону. Аномальные бури привели к морозам, Новосибирск был прав. Холод жуткий. Как слышно, прием.

– Гнездо-8-9, приняли. Насколько положение тяжелое?

– Арлан-4-5, после пострадавших от бомб территорий почти сразу начинается снег. Тут натуральная зима, прием.

– Гнездо-8-9, приняли. Видно ли что-нибудь? Люди? Города?

– Арлан-4-5, никак нет. Исследуем зону. Впереди буря. Будто... Будто электрическая! На земле под минус пятьдесят.

– Арлан, лучше снижайтесь! Спутники вас не видят, а выжженная земля глушит сигнал. Мы не сможем помочь!

– Арлан-4-5, эта птичка выдержит! Надо добраться до Иркутска. Там наверняка будут выжившие.

– Гнездо-8-9, приказываем, возвращайтесь. Нельзя попадать в бурю! Данных о выживших нет! С такими морозами их может просто не оказаться!

– Арлан-4-5. Гнездо, мы все равно не успеем. Скорость бури огромная. Постараемся дотянуть до Белой, там стратегический аэропорт. Конец связи.

Аудиосистема щелкнула, отмеряя отрезок записи.

– Выжившие есть... Мы не одни! Новосибирск цел! – Палач вскочил с места.

– Это точно неизвестно. «Новосибирск» мог быть позывным. К тому же какие-то территории рядом попали под ядерные удары. Если помнишь, к нам занесло радиацию, недалеко от ГЭС рекомендуют не передвигаться даже.

– Неважно! Если отправляли самолет, значит, искали выживших!

– Слушайте, а где тела пилотов?

– Их похоронили много лет назад, конечно же. Не мы, другая группа.

– Ермак, ты не представляешь, что нашел! Надо как-то передать сигнал...

Воодушевление царило и внутри самого байкальца. Он нашел след мира, который выжил за пределами зимы. И там точно ее не было. По крайней мере, постоянной.

Как по команде, все бойцы Палача заговорили. На лицах выживших в великой катастрофе читалась радость. Они не одни. Они смогут найти способ связаться с остальным миром. И тогда... Что тогда? Неважно! Тогда все станет хорошо! Не придется выживать, искать тепло и чувствовать, как на щеках замерзают слезы! Не придется бояться за завтрашний день! Все будет хорошо! Просто, хорошо!

– Вообще, нас отправили искать амурских тигров. Говорят, видели стаю. Бункер собирает животных.

– Это тебе к тофаларам. Они наверняка знают. Тут недалеко, кстати, – добродушно ответил Электро.

За общей радостью не сразу пришло осознание, что стреляют. Откуда именно, определить было трудно, но слышался пулемет.

– По местам!

Бойцы тут же схватили оружие и встали по боевым точкам. С подножия холма прибежал раненый братский.

– Их десятки. Карп погиб, командует Денисыч. Обходят. – На этих словах посыльный осел на пол.

– Ермак, не отвечивай! У нас все отработано! – Палач скрылся за лестницей вниз.

И правда, его бойцы заняли весь самолет. Кипел бой, слышались приказы, крики. И все в этой галиматье забыли про черные ящики. Ермак решил о них позаботиться.

Они были небольшими, сделанными по последнему слову довоенной техники. Ермак тут же нашел пару отсеков. Ларчик просто открывался: тре-

бывалось зажать одновременно расположенные рядом кнопки. Крышки отъехали под корпус, и Ермак увидел две флешки. В них, по теории, хранилась информация ящиков.

Сунув флешки в потайной карман, Ермак поспешил к своим вещам. Близился вечер, а с ним и похолодание. Сейчас было лето, температура колебалась от минус пятнадцати до сорока. Ночь предвещала температуру за тридцать. Бежать будет трудно, если придется.

– Ермак, давай в фюзеляж!

Имя говорящего байкалец не помнил, но поспешил укрыться.

– РПГ! В укрытие!

Ермак кинулся к вырезанному отверстию-тайнику. Там хватило бы места для человека. Раздался взрыв и жуткий хруст. Кто-то кричал нечеловеческим голосом. И тут же прозвучало еще два взрыва.

Фюзеляж окончательно оторвало, и он начал съезжать с холма. Ермак в ужасе уперся ногами в стену. Его большим ребрам это не понравилось.

– Проклятый олень...

Вдруг все начало кружиться перед глазами, и Ермак влетел в стену. Мир опять померк.

Путь через горы был утомительным. Ермаку не привыкать к суровой местности замерзшей тайги, но он никогда не преодолевал такие расстояния раненым. Каждый вдох отдавался болью, от сотрясения мутило, пожар на самолете опалил голову. Несильно, но приятного мало.

Кто напал на отряд Палача, понять не успели – все выжившие бежали. Братские отходили к своим, у Ермака такой возможности не было. Отбившись от преследователей, выжившие разделились. Байкалец отдал одну флешку Электро, вторую оставил себе и двинулся на северо-восток. К тофаларам.

Бункер знал, что это племя выжило. Но их и до войны едва ли насчитывалась тысяча. Как дело теперь обстояло – вопрос. Но они пережили суровые годы. И Электро посоветовал идти к ним, чтобы выполнить главную миссию вылазки – найти стаю амурских тигров.

Больше всего неприятностей принесли горы. На то, где он здоровым прошел бы за час, уходило полтора, а то и два. Он остался без снаряжения, только оружие, нож и немного припасов.

Спасало то, что по его маршруту иногда ходили племена – снег был утоптан. К вечеру первого дня он вышел к Дургомже. Река в свое время была довольно широкой, чтобы с приходом вечной зимы превратиться в дорогу. Сделав лежанку в снегу, Ермак переночевал.

Снежные склоны захватывали дух, но местным пейзажам много уделять времени не удавалось. Постоянная боль заставляла концентрироваться

исключительно на ровной глади снега перед собой.

К утру третьего дня стало совсем плохо. Температуру удавалось глушить таблетками, но еда почти закончилась – оставалось буквально две консервы и пачка галетов. Благо, вода всегда в избытке.

Проведя еще три часа в полуобморочном состоянии и делая каждые двадцать минут небольшие остановки, Ермак вышел на свежий след от копыт. Стадо проходило недавно. Двигалось с юга на северо-восток, в ложбину между двумя склонами. Ермак ставил своей целью село Алыгджер, но решил догнать тех, кто оставил следы. Если судить по их свежести, отрыв составлял несколько часов.

Облокотившись на ствол дерева во время очередной остановки, Ермак достал флягу. Но стоило сделать несколько глотков, как его стошнило.

– Дело плохо...

В кармане на левом рукаве Ермак расположил несколько препаратов. Они подсадят его сердце, но дадут сил на несколько часов. Ему хватит.

Принимать стал постепенно. Появилась тяжесть в желудке, но голова будто бы прояснилась, да и ребра перестали мучить. Началась эйфория.

– Что они в эти штуки добавляют? Предупреждали бы хоть...

Не успел Ермак закончить мысль, как его окрикнули. Он машинально вскинул пистолет-пулемет, ибо не понял ни слова. Положение неприятное – склоны скрыты деревьями, а он на ровной реке. Прострел отличный. Но рядом упала стрела. Буквально в трех шагах – другая.

– Эй, опусти оружие!

Русский у говорящего звучал не очень чисто, но весьма разборчиво. Если повезло – он нашел тофаларов. Если нет – смерть.

Ермак поднял руку с оружием над головой.

– Я ищу тофаларов!

– Кем будешь?

– Байкалец!

Повисла тишина. Опыт подсказывал – советуются. Из-за стволов деревьев, словно призраки, появились люди. Они шли неспешно, натянув луки. Трое – выставив ружья. Все принадлежали к коренному населению и ростом уступали Ермаку.

– Что тебе нужно?

– Мне сказали, у вас всякая живность водится. Меня послали найти стаю амурских тигров.

Мужчины с ружьями заговорили на непонятном языке.

– Кто послал?

Скрывать не было смысла.

– Байкальский Бункер, – Ермак аккуратно достал из-за шивороты опознавательный медальон.

– Отдай оружие. Пойдем, и увидишь.

Ермак подчинился. В километре от его встречи с тофаларами отдохнуло стадо. Стояло несколько юрт, из них выходили люди и смотрели на байкальца.

– Мы не видели чужих русских много лет. Очень много.

– И как вы тут живете?

– Пойдем, и увидишь.

Собеседник Ермака казался главным. Так он его про себя и назвал.

Вначале его привели к самой большой юрте. Пол был застелен шкурами оленей, а посреди нее стоял камень. На нем красовался искусно нарисованный черный гусь. Коренные народы быстро вернулись к тотемизму и другим верованиям.

– Тяжело живем.

– Почему на юг не пошли?

– Нельзя. Хранить нужно.

– Что?

– Пойдем, и увидишь.

Но как обычно, коренные не спешили. Вначале налили странный напиток – согреться. Потом расспросили, сколько шел. Ермак ответил, что ехал два дня, и шел три. Старшего это устроило, судя по глазам. Пить не хотелось от слова совсем, препараты творили с желудком неведомые вещи. Но отказывать нельзя, даже опасно. Отвар напомнил чай из трав. И с удивлением Ермак заметил в металлической кружке плавающие ягоды.

– Ягода? Откуда?

– Пойдем, и увидишь.

– Я ранен, могу устать совсем.

– Пей, пей.

Кочевники все время с интересом на него глазели. А он – на них. Как бы ни были похожи все выжившие в зиме, а каждый народ сохранил свои черты. Русские предпочитали куртки и тулупы-ватники, буряты тоже, но обшивали их шкурами оленей, тофалары же носили неизвестную Ермаку шерсть.

– Из чего ваши одежды?

– Злой зверь. Росомаха.

Росомахи водились раньше на севере области.

Никто, кроме старшего, с Ермаком не говорил. Он тоже разговоров не начинал. Вдруг у них не принято? Байкалец не помнил историю этого племени – считалось, что их почти не осталось. Вылазка открыла много нового – осталось лишь донести данные до Бункера.

После обеда племя собралось за какие-то двадцать минут и продолжило путь.

– Куда мы?

– К нам домой.

– В Дургомже?

– Дургомже замерз. Мы – нет.

Шли молча и неспешно. У племени выжили собаки – они помогали вести оленей. Огромные, пушистые звери успели приспособиться к новым реалиям, но продолжили быть другом человека.

– Если со мной что-то случится... Не забирайте ничего из вещей, отнесите тело в Бункер или заставу Байкальцев. Вам заплатят вдвое больше.

– У нас все есть. Но мы сделаем.

– Спасибо.

Склон поддавался ногам Ермака неохотно. Шли змейкой, и это сильно удлинило путь. К вершине вышли уже в темноте – стадо передвигалось медленно.

– Что?

Ермак побежал. Белая пустыня обрывалась, открывая огромные территории. В темноте они казались черными, но среди темноты горели костры.

– Что это?!

– Наш дом.

– Где снег?

– Растаял.

Огромная ложбина в горах цвела. Привыкший к темноте Ермак различал вековые сосны, чьи ветки шатались на ветру. Еще дальше он разглядел берег озера. Большого. Конечно, не Байкал, но его хватало, чтобы обогреть несколько квадратных километров земли. И главное – не замерзшее!

– Это озеро горячее?

– Именно так.

– Провал... Наверняка провал... Боже, это же чудо! Живая листва! Но как?

– Вначале упала звезда. Потом земля тряслась, и открылись ручьи, спящие в горах. Они родили озеро. А оно – наш дом. Давно. Много лет назад.

Ермак рассмеялся и поспешил с горы. Его собеседник не отставал. Через полчаса байкалец аккуратно касался голой рукой зеленых иголок. Он не верил своим глазам. Сначала весть о том, что они не одни, теперь – выжившая природа.

Эта ложбина равноудалена как от Братска, так и от Иркутска. Пешком он доберется до своих самое позднее за неделю. Надо предупредить. Плевать на амурских тигров – тут настоящее сокровище! Расположи здесь блокпост, и можно предпринять вылазку на запад, к Красноярску! Теперь она точно не лишена смысла!

Мир внезапно потерял свои горизонты. Они возникли где-то далеко. Намного дальше, чем были неделю назад. Для нескольких сотен тысяч весь мир умещался в небольшую обжитую зону вечной зимы. В маршрут Братск – Иркутск – Байкальский Бункер – Улан-Удэ. Крохи по сравнению с тем, чем

они когда-то владели. Но это пятнышко стало оплотом, домом и шансом. Огромным миром со своими законами, историями и жизнью. Теперь же все изменится. Граница прорвана, мир стал нестерпимо больше.

Ермак почувствовал странную связь с героем, в честь которого его называли. Когда-то кучка смельчаков перешла Урал и сдвинула горизонт. Почти все сгнули, но за ними пришли другие. Построили остроги и покорили небывалые территории. Создали могущественное государство. Принесли местным народам культуру.

Какой путь теперь у их потомков? Ермаку предстояло это узнать. Но сегодня, сейчас, он просто был счастлив. По щекам текли слезы, и холод не превращал их в лед.